

Господин Ван в конце концов не стал дотошно расспрашивать Чи Нина о его причудах и удалился: за юношей прибыли из дворца Недеяния.

Посланником оказался сам евнух Шан Эр.

Должно быть, господин Шан сам вызвался пойти. Иначе с его нынешним положением отправлять столь важную фигуру ради скромного Чи Нина никто бы не додумался.

Шан Эр приближался неторопливо. На нем был расшитый зеленый шелковый халат-манпао и парадный головной убор придворного чина, а за спиной в два ряда шествовали слуги в бирюзовых одеждах. Как бы скромно он ни старался держаться, его нынешнее величие — величие пишущего евнуха Дирекции церемониала — скрыть было невозможно.

Евнух Шан был почти ровесником покойного наставника Чи Нина. Они вместе вошли во дворец мальчишками и один за другим возвысились. Правда, в годы правления под девизами Юнпин и Тяньхэ мало кто при дворе вообще знал о существовании Шан Эра. В те времена Дирекция церемониала знала слишком много ярких личностей. Один только учитель Чи Нина, Чжан Цзинчжун, или тогдашний директор с печатью Лань Цзетин чего стоили! Они сияли так ослепительно, что неизбежно затмевали остальных сослуживцев.

Впрочем, прилежный и исполнительный Шан Эр тоже не остался на обочине. Судьба определила его на такую должность, при которой покойный император не взял его с собой в роковую поездку на юг, но оставил за главного следить за порядком во дворце.

Именно это в конечном счете и спасло евнуха Шана, обратив невзгоды в величайшую удачу.

Ведь именно во время того южного путешествия прежний государь внезапно исчез. Ни живым, ни мертвым его больше никто не видел. Вместе с владыкой сгинули Чжан Цзинчжун, Лань Цзетин и еще несколько влиятельных евнухов, пользовавшихся безграничным императорским доверием.

Исчезнувшие слуги уже не могли замолвить за себя слово, и на них обрушился весь гнев столичной пишущей братии. Чиновники и ученые мужи нещадно поливали их грязью в своих трактатах. Какова бы ни была правда и сколько бы сил эти евнухи ни отдали на благо государства, именно на них возложили вину за пропажу императора, заклеив коварными временщиками и предателями, погубившими господина.

Лишь оставшийся в столице Шан Эр избежал общей участи. Более того, среди бури он сумел возвыситься и заслужил всеобщее признание как человек непоколебимой честности, способный сохранять ледяное спокойствие в любые смутные времена.

Судьба — штука непредсказуемая.

И прежде, и теперь Чи Нин при встрече с ним неизменно и со всем почтением звал его дядей Шаном.

Шан Эр тоже относился к нему тепло, по-родственному, хотя в силу характера — такого же прямого и сурового, как его лицо, — оставался неречив и строг.

— Вернулся — и ладно, — произнес он ровным голосом. — Теперь трудись на совесть. Его Величество больше не держит на тебя зла.

«Былые обиды»... А ведь прошло всего несколько месяцев.

Чи Нин проделал колоссальную работу: с самого момента получения указа он выстраивал сложнейшую шахматную партию, просчитывал каждый шаг, втянул в свои интриги саму Великую принцессу Канлэ — и всё ради этих нескольких слов.

Что же, труды его окупились сполна.

Наконец-то он может начать всё с чистого листа.

— Ты... — Шан Эр явно порывался сказать что-то еще.

Поиски прежнего государя, длившиеся много месяцев, зашли в тупик, и на этом деле поставили жирную точку. Вопрос был закрыт раз и навсегда.

Вдовствующей императрице пришлось смириться с мыслью, что ее сын мертв, а не просто пропал без вести.

Пока посмертное имя усопшего владыки еще не утвердили, его временно величали императором Тяньхэ.

Но в итоге Шан Эр промолчал. Он прекрасно понимал: дело о пропаже императора Тяньхэ замяли так быстро вовсе не ради установления истины и не из желания унять скорбь. Просто такое положение дел устраивало всех при дворе. Те самые вельможи, что еще вчера кричали о своей преданности престолу, на поверку оказались трусливее и беспринципнее, чем Чи Нин — искалеченный юноша, которому едва исполнилось двадцать лет.

Чи Нин мягко вывел его из задумчивости:

— Дядя Шан, тогда я был слишком молод и глуп, горячился почему зря. Теперь я поумнел и глупостей не наделаю.

Юноша улыбнулся — открыто и обезоруживающе искренне. Он с детства отличался редким изяществом и миловидностью, из тех лиц, что мгновенно располагают к себе старших. В его голосе и позе сквозила такая кротость, что любой поверил бы: Чи Нин действительно раскаялся и решил начать новую жизнь.

Губы евнуха Шана дрогнули в подобии улыбки. Сам он не был родом из Чжэньнана, но когда-то Чжан Цзинчжун оказал ему немало услуг, так что его можно было считать примкнувшим к этой фракции. Чжэньнаньская группировка сильно пострадала после падения ее лидера, но, как говорится, даже умирая, стоножка не падает навзничь — старые связи были еще крепки. Все преданные сторонники ждали, когда ученики Чжан Цзинчжуна поднимут знамя учителя и вернут былое влияние.

И Шан Эр вновь повторил то единственное, что мог сказать:

— Вернулся — и ладно.

По вымощенной плитами дорожке, что тянулась к западу от центральной оси дворцового комплекса, можно было пройти сквозь весь внутренний город напрямик к дверям дворца Недеяния. Этим путем Чи Нин ходил бесчисленное множество раз. За долгие годы службы он выучил его наизусть: знал, как шагать споро, но не сбивая дыхания, и как при этом сохранять величественную и легкую осанку. Этот безупречный шаг стоил ему тысяч дней и ночей изнурительной придворной выучки.

На фоне сутулых, вечно гнущих спину слуг Чи Нин казался редким самоцветом среди речной гальки. Даже когда рядом шел такой могущественный человек, как Шан Эр, любой случайный прохожий первым делом обратил бы внимание именно на юношу.

Он словно излучал внутреннее сияние.

Перед белокаменной лестницей дворца Недеяния Чи Нин послушно замер. Шан Эр вошел внутрь, чтобы доложить о прибытии. Спустя несколько томительных мгновений юноше позволили войти. Он переступил порог, благочестиво склонив голову.

Он опустился на колени единым, отточенным до изящества движением.

И новый государь, и Чи Нин оказались превосходными лицедеями. Оба прекрасно помнили события недавнего прошлого, но держались так, словно между ними никогда не пробегала черная кошка.

Лишь едва уловимое, зыбкое напряжение повисло в прохладном воздухе тронного зала.

Новый император Вэнь Кэ, ныне взошедший на престол, восседал на драконьем троне прямо и натянуто, словно струна. Говорили, что он не позволяет себе расслабиться, даже когда

остаётся наедине с собой. Юноша, бывший старше Чи Нина всего на год или два, держался с напыщенной важностью уездного начетчика, вечно сыплющего цитатами из древних трактатов.

Подобные зануды всегда манили Чи Нина — ему безумно нравилось изводить их, заставляя кривиться от досады, но терпеть его присутствие, сжав зубы.

В душе Чи Нина в такие мгновения обычно звучал торжествующий злодейский смех.

Путь от загородного поместья до дворца Недеяния занял у него без малого два часа. Сама же аудиенция — от поклона до получения высочайшего повеления и поспешного ухода — не продлилась и того времени, что требуется, чтобы остыла чашка чая.

Их холодный, церемонный диалог напоминал ту неловкость, с которой новоиспеченный монарх садится на ещё не привычный ему престол. Им не следовало встречаться, а уж тем более пересекаться их путям.

Пока что каждый жест и слово правителя в точности соответствовали ожиданиям Чи Нина.

Тот был молод, но отнюдь не глуп. Ему хватало амбиций, пусть и при явном недостатке искушенности в делах правления; к тому же его явно грыз липкий страх — удержится ли он на вершине? Он походил на безродного лавочника, внезапно унаследовавшего несметное богатство: всю жизнь мечтал о скромном достатке, и вдруг на его плечи неожиданно-негаданно свалилось бремя верховной власти. Но при этом у него все же имелись кое-какие собственные мысли о том, как обустроить Поднебесную.

Словом, восшествие на престол не было результатом его коварного заговора — для таких интриг новый правитель был слишком мелок. Судьбы всех этих людей перевернула внезапная пропажа прежнего государя.

Чи Нин готов был поклясться: едва за ним закрылись двери, из глубины зала донесся протяжный, облегченный вздох императора.

«Надо же, он тебя боится», — Господин Юань наблюдал за происходящим с живейшим интересом, то и дело подавая голос. Созерцание человеческой суеты сейчас служило ему лучшей забавой.

Чи Нин едва заметно качнул головой:

«Вовсе нет. Он боится добродетели, которую сам же себе и навязал».

Император действительно чтит традиции — он вырос на великих канонах, Конфуциевых истинах и строгих понятиях о долге и чести. Однако человеческую душу нельзя описать парой

возвышенных слов; порой искушение оказывается слишком велико, заставляя предать собственные убеждения. Когда перед правителем засиял императорский венец, он протянул к нему руку и теперь не собирался выпускать власть из ладоней. Но это вовсе не означало, что его не мучила совесть, лишая сна и покоя.

Именно поэтому, взойдя на трон, он с удвоенным рвением принялся ратовать за благочестие. Эта противоестественная, удушающая строгость служила ему ширмой — он пытался искупить и скрыть от чужих глаз ту слабость, которую проявил однажды.

Подобное раскаяние обычно ведет к двум исходам: либо человек находит спасение в духовном очищении, либо, когда чувство вины становится невыносимым...

Избавляется от тех, кто напоминает ему о падении.

Сейчас император находился как раз на распутье. Но когда человек вкушает плоды абсолютной, никем не сдерживаемой власти, он редко выбирает тернистый путь покаяния. Зачем страдать, если куда проще устранить свидетелей своего позора? К тому же никто в Поднебесной больше не посмеет сказать ему, что он неправ.

Чи Нину оставалось лишь умело сыграть на этих укорах совести и успеть до того, как ростки злобы в душе государя превратятся в ядовитый терновник...

Уничтожить самого императора.

В конце концов, всё, чего он хотел — это выжить. Выжить любой ценой и устроиться как можно лучше.

Стоило ему отойти от дворца Недеяния, как дорогу ему снова преградили. При входе в запретный город он не встретил ни одной знакомой души, однако за время короткой аудиенции весть о его возвращении успела облететь весь дворец. Теперь все, кто желал с ним по квитаться, спешили навстречу.

Первыми нагрянули спесивые прихвостни из группировки Мучэнь.

Мучэнь, как и Чжэньнань, был небольшим уездом, славившимся тем, что поставлял ко двору великое множество евнухов. Чжэньнань и Мучэнь составляли две самые мощные силы во дворце. Они вели бесконечную междоусобную войну, в которой чаша весов склонялась то в одну, то в другую сторону.

Возглавлял процессию директор с печатью Дирекции церемониала — старый знакомый его покойного учителя по имени Цянь Сяюй. Одно только его имя звучало приторно-женственно, и сам обладатель полностью ему соответствовал: писклявый голосок, страсть к оперному пению и манерная походка. Стоило ему взмахнуть рукой, как пальцы сами собой складывались

в жеманный «бутон орхидеи» — повадки у него были настолько слащавыми, что кривились даже выдавшие виды слуги.

Сам Цянь Сяюй, казалось, и впрямь мнил себя изнеженной девицей и жестоко карал любого, кто смел непочтительно отозваться о женском поле.

Когда Чи Нин только попал во дворец, Цянь Сяюй сразу же возжелал взять смазливую мальчишку в названные сыновья. Но, увы, он обратил свое сердце к луне, а луна предпочла сточную канаву. Чи Нин еще до прибытия в столицу получил мудрый совет: прихватив рекомендательное письмо от деревенских старейшин, он сразу же напросился в ученики к своему земляку — влиятельному евнуху Чжану.

В те годы Цянь Сяюй был еще мелкой сошкой. Он и в подметки не годился грозному Чжан Цзинчжуну, а потому послушно проглотил обиду и больше не заикался о сыновстве.

Лишь когда над учителем Чжаном сгустились тучи, а самого Чи Нина собрались сослать в глухой Цзянцзо, Цянь Сяюй решил припомнить старое.

Чи Нин думал, что соперник решит растоптать его, столкнуть в пропасть, и уже приготовился униженно выть и вымаливать пощаду, лишь бы потешить чужое самолюбие. Однако Цянь Сяюй с самым невозмутимым видом спросил: «Ну что, пойдешь ко мне в сыновья?»

Чи Нин хоть и лишился покровителя, но к тому времени сам успел обзавестись кучей «сыновей» среди младших слуг. Старшему из его названных отпрысков уже перевалило за шестьдесят! Признай он над собой власть Цянь Сяюя, старику пришлось бы звать того дедушкой. Ну уж нет, это курам на смех.

И Чи Нин отказал ему во второй раз, после чего собрал скромные пожитки и отбыл в ссылку.

И вот они встретились снова.

Чи Нин попытался прикинуть, что творится в душе у его визави. По всему выходило, что будь Цянь Сяюй хоть трижды живым Буддой, он бы всё равно спал и видел, как стереть в порошок упрямого мальчишку, который столько раз им пренебрег.

Выхода не было — оставалось лишь повиниться, изобразить покорность и склонить голову перед могущественным евнухом.

Однако в этот момент вперед внезапно выступил Шан Эр, заслонив Чи Нина своим плечом.

— Порядочные псы дорогу не загораживают, — процедил Цянь Сяюй, сузив глаза. — Или ты об этом запамятовал?

Они с Шан Эром искренне и глубоко презирали друг друга. Шан Эр терпеть не мог Цянь Сяюя за его алчность и неразборчивость в средствах наживы, а тот, в свою очередь, презирал коллегу за нелепые попытки разыгрывать из себя образцового праведника, будучи при этом простым безбородым слугой.

Директор с печатью стоял по рангу выше пишущего евнуха, однако Шан Эр даже бровью не повел.

— Проявляй милосердие, когда это возможно, — сухо ответил он.

Цянь Сяюй лишь презрительно хмыкнул и, проигнорировав выпад, уставился на Чи Нина поверх плеча его заступника. Окруженный свитой из подобострастных прихвостней, он картинно вскинул бровь:

— Спрошу тебя в последний раз...

Идешь ко мне в сыновья?

Страсть этого человека к отцовству воистину не знала границ.

<http://bllate.org/book/20385/2118746>